

200 лет со дня рождения
Тараса Григорьевича Шевченко

От редакции

В ознаменование двухсотлетия со дня рождения великого украинского поэта Тараса Шевченко помещаем подборку статей наших украинских коллег — известных учёных. Реализация этого проекта — заслуга профессора В.Н. Ткаченко, члена редакционного совета журнала. Сердечно благодарим его за это.

**НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Т.Г. ШЕВЧЕНКО**

Л.Е. Шкляр

*Институт политических и этнонациональных
исследований НАН Украины им. И.Ф. Кураса*

Аннотация: *В статье актуализируется политическая составляющая творческого наследия Т.Г. Шевченко. По мнению автора, политическое в творчестве Т.Г. Шевченко — это попытка передать в форме категорий и понятий то, что изображается в поэтике символа, метафоры или образа.*

Ключевые слова: *политическая философия Т.Г. Шевченко, Шевченко-политик, национальная идея, «шароварные патриоты», политическое мировоззрение Т.Г. Шевченко.*

Ключевые аспекты проблемы

Тарас Шевченко входит в наше сознание как поэт, прежде всего. Хотя мы также ценим его и как прекрасного художника, автора прозаических произведений. Однако именно поэзия стала визиткой того образа Шевченко, каким мы его знаем и ценим. Поэтический мир Кобзаря чрезвычайно разнообразен. Особенную роль в нем играет так называемая «политическая лирика», с помощью которой он выразил свою гражданскую позицию, задекларировал национально-патриотическое «я», поэтизировал образ Украины.

Политическая составляющая творческого наследия Шевченко является неотъемлемой частью его мировоззрения. В конце концов, за свои политические убеждения он заплатил свободой, отбывая в течение десяти лет казарменную службу в тяжёлых условиях Приаралья. В «крамольных» с точки зрения режима стихах звучит критика в адрес самодержавия, изобличается социальная и национальная несправедливость, идеализируется и возвеличивается

прошлое Украины, более того, именно здесь в героическом прошлом казацкого образа жизни он находит модель для ее возрождения «в семье вольной, новой».

Необходимо отметить, что политические воззрения Шевченко исследованы достаточно глубоко. Поэт снискал любовь и уважение как представителей радикальных националистических убеждений, так и социалистических взглядов на общественную жизнь. В годы советской власти из поэта делали эдакого революционера, едва ли не предтечу большевизма. Всячески подчёркивая его «народность», пытались сделать из него социально близкого мироощущению советского человека. При этом, как правило, замалчивались национальные мотивы его творчества, которые, бесспорно, играли главенствующую роль в его мировоззрении. В то же время представители националистического направления мысли видели в нем, прежде всего, «пророка» национальной свободы, что, в общем-то, верно, но «национализм» Т. Шевченко носил несколько специфический характер. Он зиждился не столько на идеях государственности, сколько общности. Отсюда такая своеобразная черта его «национализма» как демократизм, то есть сочетание трудно сочетаемых идеологических элементов.

Учитывая это обстоятельство, важно подчеркнуть, что политический горизонт великого украинского поэта с трудом укладывается в какие-либо идеологические рамки или «измы», включая, будь то социализм или даже национализм. Необходимо учитывать и то, что политические воззрения поэта все-таки излагались не в формате академических доктрин или концепций. Как правило, это поэтические тексты, соответственно и стилистика изложения мыслей, идей, а иногда и целых программных тезисов существенно отличается от строго научного стиля мышления. Поэтому экспликация политической составляющей творчества любого поэта, и, Т. Шевченко тут не исключение, это попытка передать в форме категорий и понятий то, что изображается в поэтике символа, метафоры или образа, что не всегда просто.

При исследовании проблемы Шевченко-политика, мы исходим из того, что, будучи фигурой библейского масштаба, из разряда тех личностей, которые «делают историю», а не только украшают ее фасад, он вобрал в себя те формы политического мышления, которые затем кристаллизировались в различного рода политические течения — от консерватизма и либерализма, до анархизма и национализма. Поэтому при желании в нем можно найти всего и разного, но это вовсе не означает, что его политический мир был лишён целостности, внутреннего стержня.

Скорее наоборот, политические воззрения Т. Шевченко имели чёткий вектор целеполагания, в нем просматривается доминирующая идея, сквозь призму которой он воспринимал и оценивал то, что принадлежало, говоря его же словами, «и мёртвым, и живым, и не рождённым». Что же это была за идея, которая составляла ядро шевченковского мировоззрения? Если коротко — это была национальная идея. О ее сути речь пойдёт далее, а сейчас важно отметить, что вопросы политического бытия, которые буквально мучили поэта-мыслителя, как это не покажется парадоксальным, во многом остаются актуальными и сегодня. В некотором смысле это печально, но это факт, а поэтому мудрое слово «пророка правды» должны послужить нам не только напоминанием, но и призывом к осуществлению шевченковского завета («заповіту»), который он оставил своим потомкам.

Говоря о предпосылках политического мировоззрения Кобзаря, необходимо подчеркнуть ещё раз, что речь не идёт о политическом мыслителе в традиционном смысле этого слова. Его политические оценки, как правило, эмоционально окрашены, исторические реминисценции нередко имели символический смысл, а образы реальных исторических прототипов сознательно гипертрофированы. Такова особенность поэтического мировосприятия и отображения действительности, что послужило основанием для шевченковедческих исследований в духе «Шевченко-мифотворец» [Грабович 1991, Мейзерська 1993, Забужко 2001].

Разумеется, речь идёт о мифе как способе мировосприятия, характерными чертами которого являются целостность рационального, эмоционального и волевого начал сознания, а не сочинением сказок на исторические или современные темы. Миф для Шевченко не был самоцелью, а всего лишь способом поэтического мышления, благодаря чему он передавал особенности обыденного мироощущения. Необходимо учитывать, что народное сознание в ту пору было во многом синкретичным, близким по своей природе к сознанию так называемых традиционных обществ, и для Шевченко оно также было органичным. Он говорил языком и образами своего героя — народа, среди которого вырос, глубоко знал и чувствовал его. Благодаря такому приёму — использованию пластики мифа с целью формулировки в данном случае политической идеи — возникает возможность буквально несколькими строфами передать, донести то, что в обычном режиме дискурса требует целых трактатов или монографических исследований. Эта особенность мифопоэтического образа — спрессовывать информацию, придавая ей одновременно смысл понятия и энергию эмоционального воздействия — обладает мобилизационным эффектом коллективного сознания — социума или национальной общности. Эта особенность поэтического слова наделяет их творцов качествами, которые выделяют последних среди обычных и даже необычных людей, а именно: качествами пророка, мессии, а не просто политического лидера или вождя — тоже неординарных личностей в политической жизни. Вместе с тем в образно-поэтической форме мировосприятия нередко кодируются или камуфлируются те смыслы, которые требуют дополнительной экспликации в виде комментария или целого исследования.

Т. Шевченко принадлежит к числу тех поэтов-мыслителей, в которых за текстом спрятан контекст, видимая часть «айсберга» предполагает ее незримую глубину. Поэтому неудивительно, что его поэтическое слово становится основанием для размышлений по поводу разного рода вопросов, имеющих не столько фактическое, сколько глобальное или мировоззренческое значение. Как правило, такого рода вопросы являются значимыми для целого поколения, затрагивающими экзистенциальные аспекты его бытия. Именно к таким проблемам принадлежит одна из ключевых тем его поэтического творчества — поиск ответа на вопрос: «Кто мы? Чьи сыны? Каких отцов? Кем? За что порабощены?». Ответы на подобные вопросы не исчерпываются фактами исторических наук, археологии, этнографии и т. д. Это по большей части мировоззренческие вопросы, и в зависимости от того, как их сформулировать, такие ответы и будут искать. Что касается Т. Шевченко, то он их сформулировал в чрезвычайно остром ключе, говоря современным языком — ключе поиска национальной идеи, как ее понимал великий поэт.

Тут важно отметить, что концепт национальной идеи формулируется не столько академическими исследователями или мыслителями-рационалистами, сколько всей совокупностью гуманитарной культуры, в особенности представителями и носителями художественно-эстетических форм сознания и мировосприятия — писателями, поэтами, художниками и т. д.

Поэзия является чрезвычайно мощным, если не единственным инструментом влияния на массовое сознание, в отличие, скажем, от науки, которая требует специальной подготовки и по своей природе является элитарной формой общения и деятельности. Эта традиция берет начало ещё со времён библейских пророков, поэтому не случайно, что Шевченко так часто в своем творчестве обращается к Библии, прежде всего к старозаветной «Книге пророков» как источнику вдохновения и диалога со своим народом. Подобно библейским пророкам, Т. Шевченко также жил и творил в эпоху кризиса устоев общественных порядков. В данном случае речь идёт о системном кризисе российской империи, института самодержавной власти, крепостного права. Но более всего его беспокоила проблема, говоря современным языком, кризиса идентичности украинского народа и поиск путей его возрождения. Именно в атмосфере кризисного социума благодаря его необычайному гению рождается поэтически осмысленная

и соответствующим образом оформленная национальная идея как способ выхода из этого кризиса середины XIX века, в котором оказалась Российская империя в целом и Украина в частности.

«КТО — МЫ?»

Тарас Шевченко направил острое перо иронии, а то и сарказма против представителей лагеря так называемых «шароварных патриотов». А их было немало среди отечественной помещичьего класса украинского общества, бюрократического слоя, интеллигенции. Он изобличал их взгляды на историю родины как на «поэму / Вольного народа», где верноподданнические чувства были изощренно приправленные украинофильской меланхолической грустью о минувших днях свободолюбивого народа. Такая трактовка не устраивала его, поскольку этот несколько романтический взгляд на сложные и драматические перипетии прошлого вселил в сердца и души соотечественников, по мнению поэта, примиренческие настроения с действительностью. А она требовала серьёзного ответа на непростые вопросы бытия, в конечном итоге сформулированные им в виде вопроса: «кто — мы?». Он сформулирован в чисто мировоззренческом ключе и требовал однозначного ответа. Чтобы такой ответ заполнить, необходимо, по мнению Т. Шевченко, не избирательно смотреть на собственную историю и не по подсказке со стороны, («как немец скажет»), а взглянуть, что называется «правде в глаза», не обходя вниманием тёмных страниц прошлого. Этот императив Шевченко прозвучал диссонансом в общем хоре голосов, воспитанных на тенденциозных трактовках, а иногда и откровенных фальсификациях истории украинского народа. В частности, он предлагает читать историю не только сквозь призму героики и казацкой славы, что так нравилось доморощенным патриотам, а смотреть на ее опалённые страницы глубже и дать ответ на вопрос: почему героизм и слава предков обернулись социальным и национальным порабощением? Обратиться к истокам правдивой истории означает для него тщательно изучить казацкие могилы и, может быть, там поискать ответы на неудобные вопросы, кои ставит сама безотрадная жизнь крепостных — наследников некогда вольных казаков: «Прочитайте знову/ Тую славу. Та читайте/ Од слова до слова,/ Не минайте ані титли,/ Ніже тії коми, / Все розберіть... та й спитайте/...» [Шевченко 2011a: 302].

И не дожидаясь, когда будет сделана такая работа в будущем, то есть история народа будет изучена что называется «без купюр», Кобзарь предлагает собственный взгляд на прошлое Украины, хозяева которой — элита прежде всего — во многом сами ответственны за то, что случилось с украинской землёй, ее народом. В эмоциональном порыве гнева он бросает инвективу «поводырям нации», коих едва ли не боготворили, приравнивая тех к римским сенаторам. Речь, конечно же, идёт о казацкой старшине и ее предводителях — гетманах:

*Раби, подножки, грязь Москви,
Варшавське сміття — ваші пани
Ясновельможній гетьмани.
Чого ж ви чванитеся, ви!
Сини сердешної України!
Що добре ходите в ярмі,
Ще лучче як батьки ходили.
Не чваньтесь, з вас деруть ремінь,
А з їх бувало, й лій топили [там же].*

Таким образом, мировоззренческий ответ на вопрос национальной идентичности следует искать не в избирательных картинах прошлого, радующих глаз и лелеющих слух, а в самой что ни на есть подлинной истории собственного народа, написанной не с чужих слов и подсказок. Как известно, вопросу — «кто — мы?» предшествует классическая шевченковская фраза: «Якби ви вчилися так, як треба, // То й мудрість би була своя...», которую следует рассматривать в качестве своеобразной пропедевтики исторического самосознания, согласно которой полагаться на чужой разум в столь деликатном деле как изложение и понимание собственной истории нецелесообразно и даже опасно. Только правда, какой бы горькой она ни была для национального самосознания, может стать путеводной нитью к истине.

Такой фундаментальной истиной для Шевченко было возрождение исторических прав и свобод («вольностей») родного народа, который из-за деятельности «неразумных гетманов» их потерял. Видя предательскую роль казацкой элиты, Шевченко не питает никаких надежд на то, что она станет той силой, которая возьмёт на себя бремя национального возрождения в новых исторических условиях. Поэтому неслучаен и тот факт, что такая знаковая личность в украинской истории, как Богдан Хмельницкий не то что не вызывал никаких симпатий у поэта, а наоборот, пробуждал в нем отрицательные эмоции и вызывал осуждение: «За що ми любимо Богдана?// За те, що москалі його забули // У дурні німчики обули// Великомудрого гетьмана». [Шевченко 2011b: 320]. Или вот такие строки из его стихотворения с весьма красноречивым названием — «Якби то ти, Богдане п'яний»:

*Аміль тобі, великий муже!
Великий, славний! та не дуже...
Якби ти на світ не родивсь
Або в колісці ще упивсь...
То не купав би я в калюжі
Тебе преславного. Аміль [Шевченко 2011с: 604].*

Необходимо отметить, что в украинском политическом сознании Б. Хмельницкому нередко противопоставляется И. Мазепа как поборник национальной идеи независимости Украины. Не вдаваясь в тонкости вопроса, отметим, что Т. Шевченко, хотя и не подвергал его такой же критике как Хмельницкого, однако оценивал И. Мазепу весьма умеренно, во всяком случае, не глорифицировал его личность. Возможно, причиной тому служило то, что поражение под Полтавой, непосредственно связанное с личностью этого гетмана, дало повод царю Петру Первому существенно ограничить автономию Гетманщины — самоуправляемого территориально-государственного образования, возникшего во второй половине XVII века на Левобережной Украине. Эти ограничения были зафиксированы в так называемых «Решетилловских статьях», положивших начало гибели пускай ограниченной, но в чем-то самостоятельной украинской государственности, а также потери «вольностей казацких» — закрепощение крестьян. В противовес негативному или сдержанному, как в случае с Мазепой, отношению к элите и ее лидерам, Шевченко не скрывал своих симпатий к предводителям народных движений — С. Наливайко, П. Павлюку, И. Подкове, И. Гонте, М. Зализняку, простому казаку Галайде — герою поэмы «Гайдамаки» и многим другим, которые не принадлежали к казацкой элите, а своими действиями и поступками выражали дух народного протеста.

Разумеется, в сопоставлении, а точнее — противопоставлении понятий и явлений «элита — народ» считывается категориальный ряд политического дискурса более поздних времён, когда политология становится наукой. В украинской историко-политической традиции эту проблематику в начале XX века активно разрабатывали, хотя и с несколько разных позиций, такие политические мыслители как В. Липинский и Д. Донцов. Невзирая на то, что

оба были почитателями Великого Кобзаря, однако в своих политологических взглядах и подходах на проблему «элита — народ» склонялись к концепции элитизма, согласно которой не столько народ, сколько элита имела решающее влияние на ход политических событий. Т. Шевченко в данном случае придерживался иных взглядов, полагая, что социальное раскрепощение и национальное освобождение — дело рук самого народа как проявление его креативной стихии, неоднократно доказанной в истории в ходе всевозможных восстаний и революций. Такое недоверие к элите со стороны Шевченко можно объяснить тем, что в случае с украинской историей она неоднократно доказывала свою предательскую сущность по отношению к чаяниям народа. Отечественная элита нередко шла на компромиссы в решающие моменты истории, руководствуясь не столько национальными, сколько классово-корпоративными интересами. Для Т. Шевченко такой этос поведения был неприемлем, и поэтому он был так критичен и резок в своих оценках тех, кто претендовал на национальное лидерство, как в историческом прошлом, так и настоящем. Следует полагать, что антиэлитаристские настроения поэта, некая идеализация им народной бунтарской стихии, вера в ее креативные начала, протест против социального угнетения, национальной и религиозной несправедливости дали основания позиционировать его как «революционера-демократа». Однако такое определение можно считать справедливым лишь частично, поскольку оно не исчерпывает всей палитры политического мировоззрения национального гения. Ведь кто такой революционный демократ? Это тот, кто не совершенствует политический строй путём реформ, модернизации и т. д., а тот, кто радикально, иногда путём насилия изменяет его. Но возникает вопрос: может ли революционер быть демократом? История вообще и отечественная в частности, не дают однозначного ответа на этот вопрос. Более или менее понятно, что демократию невозможно привить насильственным путём. Она может лишь вырасти органическим способом из среды эволюционного развития государства и общества и стать результатом социального компромисса.

Если с этих позиций взглянуть на политическую философию Т. Шевченко, то в его поэтическом наследии можно найти призывы революционного характера к смене общественных устоев насильственным путём. Эти призывы довольно часто звучат в текстах социального антикрепостнического звучания, как, например, в знаменитом («Заповіті»), где поэт обращается к народу с призывом: «Кайдани порвіте // І вражою злою кров'ю // Волю окропіте» [Шевченко 2011d: 319].

Однако необходимо учитывать исторический и социальный контекст этих призывов, а они в то время буквально носились в воздухе, ведь это было время революционных потрясений, пронёсшихся едва ли не по всей Европе под лозунгом «весны народов». И Шевченко вместе с европейскими интеллектуалами стремился таким образом «збудити хиренну волю», которую к тому времени после восстания декабристов «приспав цар Микола» — символ крепостничества и национального порабощения.

Если с «революционностью» Шевченко все более-менее понятно, то, что касается его «демократизма», вопрос не до конца прояснён. Можем предполагать, что он носил несколько специфический характер, если смотреть на это явление с позиций современной теории демократии. Напомним, что современная трактовка этого понятия исходит из того, что демократия — это такое устройство государственной власти, при котором «единственным источником власти является воля народа» [Демократія... 2011: 194]. Бесспорно, относительно такого критерия демократии, как «воля народа», Шевченко вполне был демократически настроенным мыслителем. Но ведь демократия только этим критерием не исчерпывается. Не менее важной для ее определения является и форма организации власти или устройство государственных институтов, где власть принадлежит большинству, но не для того, чтобы осуществлять диктаторские полномочия по отношению к меньшинству. Своеобразно деформиро-

ванный тип «демократии», как известно, был присущ и советскому строю, где, номенклатурное меньшинство довлело над громадной массой народа. Весь фокус демократической парадигмы власти состоит в том, что ни большинство, ни меньшинство не являются раз и навсегда заданными константами. В подлинно демократическом обществе они регулярно меняются местами, большинство становится оппозиционным меньшинством и наоборот. Там, где этот принцип регулярности не соблюдается, при всей внешней атрибутике демократического устройства, говорить о демократии как таковой не приходится. Таким образом, если, с точки зрения политической теории, демократия — это тип организации общества, где государство контролируется этим обществом через механизм выборов, то у Шевченко, особенно раннего периода творчества, когда он поддерживал тесные контакты с Кирилло-Мефодиевским братством, просматриваются черты, свидетельствующие о его демократических убеждениях. Но об этом мы можем судить, исходя из опосредованных источников, таких как «Книги бытия украинского народа», который он наверняка знал, хотя авторство и принадлежало другим. Как известно, в этом трактате изложены демократические постулаты на жизнь общества и государства с позиций Кирилло-Мефодиевского тайного кружка, с членами которого тесно контактировал Т. Шевченко и взгляды которых он в целом разделял.

Что же касается поэтического наследия, то здесь мы не находим мотивов, которые свидетельствовали бы о симпатиях Тараса Григорьевича к какой-либо форме государственной власти. У него имеется чудесная реплика относительно «Вашингтона з новим і праведним законом», которая может свидетельствовать о том, что ему не были чужды идеи правового государства. А правовое государство по определению является и государством демократическим. Однако сколь-нибудь чётко артикулированных взглядов на этот вопрос мы не находим. Объяснение этому можно искать в том, что известный украинский исследователь творчества Шевченко Г. Грабович называет «идеальной общностью», заимствовав это понятие из области культурной антропологии [Грабович 1991: 87].

Если коротко, то смысл этого понятия, в свое время введённого в научный обиход культурологом В. Тернером для изучения традиционных обществ, сводится к тому, что «идеальные общности» — это такие общности, коим не хватает социальной дифференциации или структурированности [там же: 88]. Следует сказать, что ещё до В. Тернера исследователи обратили внимание на различия в организации традиционных и современных обществ, вводя соответствующие понятия. Так немецкий культурфилософ Тенис ввёл градацию социумов как общностей (*Gemeinschaft*) и, собственно, обществ (*Gesellschaft*). Ещё ранее сходные мысли озвучивал французский социальный мыслитель Ж.-Ж. Руссо. Но суть вопроса не в приоритетах, а в логических основаниях подобного рода классификациях обществ. Как оказалось, основанием для такого рода определений является неравномерный характер цивилизационного развития, который приводит к появлению, с одной стороны, структурированных, а, с другой, не структурированных социальных систем, о которых писали в свое время Руссо, Тенис, а позже Тернер. Идея нерасчлененных социальных организмов или общностей оказалась близкой такому направлению не просто эстетической, а и в целом культурологической мысли, как романтизм. Т. Шевченко — яркий представитель этого направления и для него такой «идеальной общностью» (здесь можно согласиться с Г. Грабовичем) была «казацкая громада», казачество как этносоциальная общность, где господствовали обычаи и традиции, характерные, прежде всего, для такого рода «идеальных» общностей — своеобразное равенство, побратимство и свобода.

Беспорно, Тарас Григорьевич идеализировал казацкий строй, хотя, следует отметить, для своего времени (а речь идёт о временах расцвета украинского казачества XVI–XVII веков) эта социальная общность во многом опережала консервативные государственные системы и во многом соответствовала идеалам республиканского строя, о чем упоминал даже

К. Маркс, называя Запорожскую Сечь «республикой». Именно модель республики как системы организации политического строя была наиболее близка мироощущению Шевченко, и прообразом для него служило казачество. Стало быть, как сын своего времени он отдал должное романтическим увлечениям прошлого, нередко идеализируя его и противопоставляя современности, вместе с тем он, очевидно, пребывал и в плену неких утопических представлений относительно оптимальной модели общества, представляя его по образу и подобию большой семьи или рода. В мировоззрении поэта миф играл важнейшую роль конструирования реальности. Для него жизнь форматировалась по «Закону божьему» (название одной из программных книг Кирилло-Мефодиевского братства) а не социологическими законами. В итоге, судя по всему, он не осознавал того, что казацкий строй прошлых веков вряд ли сможет органично вписаться в эпоху капиталистических отношений с их неизбежным расслоением и поляризацией интересов. Вместе с тем, как человечество в античной демократии ищет образцы для оптимальной организации политической жизни, так и Т. Шевченко такой образец для подражания находит в прошлом украинского народа — республиканско-демократическом устройстве жизни казачества. Была ли это классическая утопия — вопрос дискуссионный. Можно лишь предположить, что поскольку афинская демократия не может считаться утопией для средневековых монархий, постольку и казацкая демократия с ее республиканскими началами не может не рассматриваться в качестве вдохновляющего идеала, по сравнению с которыми настоящие порядки воспринимались поэтом как варварские.

Ещё и ещё перечитывая произведения Великого поэта-мыслителя в эпоху, когда философия, социология и даже политология уже достигли определённого уровня развития, по-другому воспринимаешь интуитивные прозрения Кобзаря. Это касается различных аспектов его творчества. Среди прочего нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что для Шевченко, например, социальный мотив воли как раскрепощение крестьянства органически сочетался с национальным аспектом свободы, и наоборот. Поэтому когда мы сегодня говорим о совпадении национального и социального компонентов в его мировоззрении, то корректнее было бы говорить не просто о революционном демократизме как политической основе его мировоззрения, а, скорее всего, о его национально-демократическом республиканизме, в коем сочетались мотивы свободы, воли, права и справедливости. Он не представлял социальную справедливость без национального освобождения украинского народа.

Касаясь национального устройства жизни, неизбежно возникает вопрос о государственности и отношении к ней самого Т. Шевченко. Сразу отметим, что национально-демократическая республика для него — это не столько государственный строй в современном понимании этого слова, сколько форма национального самоуправления, где власть определяется не через бюрократический слой чиновников, а институты обычая и традиции, по своему характеру и содержанию являющиеся демократическими институтами. Здесь определяющую роль играли традиции выборности, кои были присущи и казацкой среде — «казацкие рады», и мещанству, жившему по законам Магдебургского права на территории Украины. Иных аналогов демократического самоуправления в то время просто не было, если не считать античную Грецию.

Есть основания полагать, что общественно-политическим идеалом для Шевченко выступало такое устройство жизни, благодаря которому власть непосредственно принадлежит народу. Механизмом ее реализации выступает прямая демократия, хотя представительские институты, избранные народом, в определённом смысле также существуют. Такая модель власти созвучна идеалам, увы, ныне скомпрометированного движения, появившегося в середине XIX века благодаря усилиям Бакунина и Прудона, — анархизма. Выступая решительно против деспотизма власти, анархисты считали любое государство проявлением зла. Безусловно, этот тезис не выдерживает критики, но анархисты чётко подметили отчуждённость между

государством и обществом, властью и гражданами. Мы далеки от мысли, чтобы записать Тараса Григорьевича в сторонники или предшественники анархического воззрения. Но тот дух протеста, пафос антигосударственности, если хотите, присущий этому течению был не чужд и нашему великому земляку. Таким образом, вместо государственности — самоуправляемая «идеальная общность». Вот этот политический идеал и был близок поэту, его он и воспевал в своих гениальных произведениях, демонстрируя непримиримость с жестокой действительностью. Тот факт, что Шевченко, очевидно, не был государственным в традиционном смысле слова, нисколько не преуменьшает его роли и заслуг перед украинским народом, его историей. Он просто видел другие пути и альтернативы общественного развития помимо традиционных государственных форм, кои ассоциировались в его сознании с бездушием бюрократии и чиновничества, военщиной и экспансионизмом. Вполне возможно, что гений в данном случае заблуждался, но разве он был одинок среди великих мира сего, кто отрицательно относился к власти бюрократии и бездушия коррумпированного чиновничества?

Если посмотреть на мир с современных позиций, то нельзя не отметить, что в демократически развитых странах роль государственных институтов пусть и медленно, но снижается. В противовес этому возрастает роль общественных организаций, роль местного самоуправления, территориальных и региональных общин и структур. Но странным образом роль государства возрастает в недемократических или полудемократических странах, что, в общем-то, о многом говорит. Так что не такими уж, можно сказать, утопическими являются взгляды тех, кто не усматривал в государственности конечную станцию развития цивилизации. Вопрос этот, по большому счёту, открыт и принадлежит к мировоззренческим проблемам глобального развития. Не стоит торопиться с окончательными выводами. Но очевидно и другое, а именно то, что на определённом этапе развития истории государственность является неизбежной формой существования социума, этноса, нации, если таковые мечтают сохранить себя в истории, а не стать всего лишь, как писал Н. Данилевский, «этнографическим материалом» для строительства других наций и государств. Понятно, что в окружении империй в Украины не было иных, кроме государственных форм, способов сохранить собственную идентичность. Но осознание этого придёт несколько позже.

Мир вокруг нас: «МЫ — ОНИ»

Говоря о политическом мировоззрении Т. Шевченко, нельзя не сказать несколько слов о его геополитических аспектах. Геополитика в данном случае — это условная конструкция, но она проливает свет на те аспекты мировоззрения поэта, которые, так или иначе, касались судьбы Российской империи и ее периферии, прежде всего Украины, а также других народов, входивших как в состав империи, так и сопредельных государств.

Сразу необходимо отметить, что геополитический мир, в котором жил наш поэт — это, прежде всего, мир империй, разного рода деспотических режимов, которые вызывали в поэта резкую реакцию неприятия. И это понятно, ведь его мир «идеальной общности» — это мир равенства, свободы и справедливости, в то время как имперско-деспотические образования — это воплощение неравенства, крепостного права, насилия. Поэтому, естественно, они никак не могли служить образцом для подражания. Вряд ли его на тот момент могла вдохновлять и американская модель в части социального равенства, поскольку рабство в южных штатах ещё не было ликвидировано, а его он не воспринимал в любых формах проявления — от порабощения государственного до угнетения семейно-бытового. Поэтому он не видел вне Украины, ее исторического прошлого политических моделей, достойных подражания, хотя и мечтал о Вашингтоне с его «новым и праведным законом», о чем уже упоминалось.

Итак, геополитическая картина в мировоззрении Шевченко имела особое значение и смысл. Подчеркнём ещё раз, что речь идёт скорее о воззрениях на государства и народы в восприятии человека, мыслящего образами и символами, а не теоретическими категориями, согласно которым геополитика — это «наука о влиянии географических факторов на внешнюю и внутреннюю политику государств и наций» [Геополітика... 2011: 136]. Геополитическая рефлексия в данном случае важна потому, что благодаря ей Шевченко как бы возвращает Украину в систему мировых координат, видит в ней не только объект влияний, но и субъект мировой политики. Разумеется, во времена, когда жил и творил поэт, говорить о субъектности в мировой политике Украины в обычном смысле слова не приходится. Но и не обращать внимания на этот аспект проблемы, пусть и с некоей долей условности, тоже неверно. В поэзии Тараса Григорьевича чётко просматривается геополитический образ Украины в двух ипостасях: первое — Украина как колонизированная страна, отсюда и понятийный ряд в виде противопоставления таких понятий как «империя» и «колонии», или, как тогда говорили — «окраин»; второе — Украина как эпицентр славянского возрождения — духовного и политического. Отсюда идеи славянского федерализма, изложенные в программных документах Кирилло-Мефодиевцев. Именно в этой, второй ипостаси он резервирует за Украиной роль активного геополитического игрока в будущем, возвращая ее если не на мировую, то, во всяком случае, на европейскую арену. Именно благодаря таким рефлексиям глубже постигается как роль самой Украины на геополитической карте, так и других народов, тех, что входили в состав Российской империи. Прежде всего, речь идёт о Кавказе и Польше. Впрочем, это касается и зависимых стран, которые не входили в состав империи, но привлекали к себе внимание в плане геополитическом — славяне Балканского региона. Эти вопросы достаточно остро звучали в поэзии Шевченко и имели отчётливо политический акцент в его мировосприятии.

Сквозь призму геополитических раскладов острее осознаётся проблематика «мы — они», которая начинается для Шевченко через осознание роли славянства в мировой истории. Как известно, в первой половине XIX века эта тема стала одной из ведущих в европейской внешней политике. Имена таких деятелей славянского возрождения как Ганка, Коллар, Шафарик стали вдохновляющим примером и для других, прежде всего восточных славян, к числу которых относятся и украинцы, заявить о своих правах на свободу и независимость.

Проблематика — Шевченко и «славянофилы» — достаточно хорошо разработана в целом ряде исследований по данной теме [Прийма 1958: 151–156; Шагинян 1961: 215–228]. В этой связи достаточно отметить, что славянофильство украинского поэта существенно отличалось от популярного в 40–50-е годы XIX века российского славянофильства в лице Хомякова, Киреевского, братьев К. та С. Аксаковых и других представителей этого течения общественной мысли. Суть расхождений заключалась в том, что патриотизм российских славянофилов нёс в себе подчёркнуто антизападнический характер, идеализировал допетровскую Русь, не подвергал критике социальные устои крепостного права и самодержавия, поддерживал политику протекционизма относительно славянских народов со стороны царизма. Для Шевченко такая позиция была неприемлемой, поскольку он мечтал о равенстве и искреннем братстве между славянскими народами, в том числе и русским.

Доказательством такой позиции может служить «Предисловие» к поэме «Гайдамаки», где поэт затрагивает непростые польско-украинские отношения и переживает по поводу того, что некогда из разряда братских они перешли в плоскость неприятельских. Слушая песню слепого кобзаря, который напевал думу о том, как «боролися ляхи з козаками», сам Шевченко замечает: «Слава Богу, що минуло», — а надто як згадаєш, що ми одної матері діти, що всі ми олов'яне. Серце болить, а розказувати треба: нехай бачать сини і внуки, що батьки їх помилялись, нехай братаються знову з своїми ворогами. Нехай житом-пшеницею, як золотом, покрита, нерозмежованою останеться навіки од моря і до моря — слов'янська земля» [Шев-

ченко 2011e: 136]. Этот же мотив единения звучит и в стихотворении — «Полякам», написанном несколько позже сравнительно с поэмой «Гайдамаки», а именно в 1847 г., в канун его ареста:

*Ще як були ми козаками,
А унії ще не було,
Отам-то весело жилось!
Братались з вольними ляхами,
Пишались вольними степами, ...
Отак-то, ляше, друже, брате!..
Подай же руку козакові
І серце чистеє подай!
І знову іменем Христовим
Ми оновим наш тихий рай [Шевченко 2011f: 376–377].*

Тема славянской солидарности в творчестве Шевченко звучит и в личностном плане, свидетельством чего является посвящение поэмы «Еретик» выдающемуся подвижнику славянского возрождения чешскому языковеду Шафарику. Среди прочего там звучат такие строки: «...німота запалила // Велику хату. І сім'ю, // Сім'ю слав'ян роз'єдiniла // І тихо, тихо упустила // Усобищ лютую змію //...Слава тобі любомудре, // Чеху-слов'янине! // Що не дав ти потонути // В німецькій пучині» [Шевченко 2011g: 234–235].

Но какой бы ни была важной для украинского поэта славянская тема, прежде всего он переживал за судьбу родной и близкой его сердцу Украины. Благодаря связке понятий: «мы — славяне» Шевченко артикулирует представление об Украине как стране с ее самобытным народом-нацией, об освобождении которого, как и других славян, он мечтал. Национальная идея как геополитическая проблема осознаётся и декларируется поэтом как украинская идея, с позиции которой он резко критикует политику имперских экспансий и колонизаций, что видно на примере «кавказской темы» в его творчестве. Об этом непосредственно свидетельствует стихотворение «Кавказ», где в образно-символической форме отображена безрадостная картина угнетения и, что важно, передано ощущение веры и надежды на лучшие времена порабощённых народов:

*Не вмирає душа наша,
Не вмирає воля.
І неситий не виоре
На дні моря поле, ... [там же: 293–294]*

С сарказмом и гневом Т. Шевченко осуждает так называемое «цивилизаторство» или «культуртрегерство», то есть навязывание культурных стереотипов одних, прежде всего господствующих народов — народам, которые оказались в зависимом положении и вынуждены прислуживать своим хозяевам:

*...Ми християне, храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! Чого ви нам
Платить за сонце не повинні!..*

*Якби ви з нами подружили
Багато де чому навчилися!
У нас же й світа, як на те –
Одна Сибір неісходима, ... [там же: 295].*

Закономерно, что в эпицентре своеобразных геополитических рефлексий Шевченко оказалась самодержавная Россия как государство-империя. Здесь необходимо сразу отметить, что отношение поэта к власти и режиму никоим образом не корреспондируется с его отношением к русскому народу, которое, вне всякого сомнения, было позитивным и не имело ничего общего с позже выработанным его врагами образом русофоба. Такие обвинения беспочвенны, но об этом несколько позже. Что же касается оценок Шевченко режима самодержавной власти, то они действительно были отрицательными, и скрывать тут нечего. Но переносить неприятие власти на чувства к народу, его ярким представителям, среди которых у Тараса Григорьевича было много искренних друзей, недопустимо.

Следует иметь в виду, что критической настрой по отношению к институту российской монархии Т. Шевченко разделял с такими представителями российской общественности, как декабристы, Чаадаев, Герцен и другие выдающиеся умы России своего времени. Как было отмечено выше, поэт имел свои политические предпочтения в вопросах организации общества и власти, он вынашивал идеал свободного человека в свободном обществе, чему тогдашняя российская власть никак не соответствовала. Более того, Шевченко был убеждён, что именно российское самодержавие послужило решающим образом делу ликвидации казацких вольностей и даже поэтому не заслуживает доверия и почтительного к себе отношения. Негативный образ воинствующей империи красной нитью проходит сквозь творчество поэта. В рамках данной статьи нет возможности в подробностях разбирать различные сюжеты касательно этой темы, но на один существенный момент все-таки следует обратить внимание, поскольку он, если можно так выразиться, принадлежит к своеобразным «блуждающим» сюжетам украино-российских отношений. Это отношение и оценка исторических деятелей, которые оставили глубокий след в истории наших народов. Показательной в этом отношении является поэма (комедия) «Сон», в которой была дана негативная оценка не просто самодержавной власти, но и подчеркнут персональный аспект властвующих господ в лице государя и государыни.

Уже с первых строк поэмы звучит резко негативная оценка захватнической политики: «У всякого своя доля // І свій світ широкий, // Той мурує, той руйнує, // Той неситим оком // За край світа зазирає, // Чи нема країни, // Щоб загарбать...» [Шевченко 2011]: 214]. Используя художественные приёмы изображения героев поэмы, Шевченко в уничижительном тоне рисует дворцовую атмосферу времён Николая Первого. Изображая портрет государыни, сравнивает ее с «опеньком засушеним» либо «чаплею між птахами», в то время как сам царь не просто говорит со своими подданными, а «цвенькає», то есть болтает. Иронизируя по поводу вельмож, поэт как бы во сне неожиданно для себя оказывается в стольном Санкт-Петербурге возле памятника царю Петру Первому и удивлённо спрашивает себя: «Хто ж це такий? От собі й читаю, // Що на скелі наковано: // Первому — вторая. // ... Це той перший, що розпинав // Нашу Україну, // А вторая доконала // Вдову сиротину...». [там же: 224]. Шевченко припомнил Петру как тот уничтожал Гетманщину, на казацких костях строил северную столицу на болотах и выносит ему политический приговор: «О царю поганий, // Царю, царю проклятий, лукавий // Аспиде неситий! // Що ти зробив з козаками? // Болота засипав...» [там же: 225].

Да, в современной России Петр Первый занимает одно из первых мест в различных рейтингах популярности типа «человек тысячелетия». Его вклад, справедливости ради, в мо-

дернизацию России трудно переоценить. Но стоит ли забывать, какой ценой дались «петровские реформы» и что из этого получила Украина? По крайней мере, для Шевченко дилеммы здесь не было и свою позицию он обозначил предельно чётко и ясно. Негативным было отношение Тараса Григорьевича и к особе императрицы Екатерины Второй, с деятельностью которой в украинском сознании связаны как минимум две трагические страницы истории: разрушение Запорожской Сечи и ужесточение крепостного строя. И когда среди определённой части современной политической элиты, в том числе и украинской, находятся деятели, в сердцах которых образ развратной императрицы вызывает восторг, так и хочется их спросить словами Кобзаря: «чиїх батьків, і чиї ми діти?» Что мы восславляем и чем восторгаемся? И его же словами приходится отвечать: «Оце твої діти, // Твої квіти молодії, // Чорнилом політі, // Московською блекотою // В німецьких теплицях // Заглушені!.. Плач, Україно! // Бездітна вдовице!» [там же: 227].

Как видим, своеобразная шевченковская «геополитическое» видение — это художественными средствами воссозданная атмосфера насилия и несправедливости, которая в те времена коснулась многих славянских народов, в том числе, как русского, так и украинского. Такой ракурс позволил поэту рельефнее осознать место и роль Украины в мире, осмыслить ее героическое и вместе с тем трагическое прошлое. Сформулировать, хотя бы на уровне проекта так и не реализовавшейся программы Кирилло-Мефодиевского братства, ее будущее.

Очевидно, что критика Т. Шевченко самодержавной власти не вписывается в современный формат оценок прошлого в нынешней России, где принято превозносить, а не хулить монархию и ее венценосных представителей. В конце концов, это право самих россиян — оценивать династию Романовых то ли с положительной, то ли с отрицательной стороны. Мы же можем лишь констатировать, что в самой России никогда не было консенсуса на этот счет. Поэтому каждый мыслящий гражданин волен выбирать — он за величие монархической России или против. Смеем предположить, что аргументов как «за», так и «против» будет достаточно, чтобы сделать осознанный выбор. Во всяком случае, Т. Шевченко, который на себе познал все «прелести» крепостного права, имел достаточно оснований подвергать ту систему власти и общественных устоев самой резкой критике.

Теперь что касается отношения Великого Кобзаря к русскому народу, его ярким и видным представителям. Смеем предположить, что в этом вопросе Тарас Григорьевич меньше всего руководствовался мотивами национальными, а по большей части нравственными, гуманитарными. Об этом прямо свидетельствуют стихи поэта с адресными посвящениями, как выдающимся деятелям русской культуры, так и просто представителям русской элиты. К примеру, далеко не комплементарная касательно «московской» тематики поэма «Катерина» посвящена замечательному русскому поэту и благородного сердца человеку В. Жуковскому. Среди поэтических шедевров поэта находим стихотворение, посвящённое В. Гоголю, с проникновенными словами: «Ти смієшся, а я плачу, / Великий мій друже». Поэму «Тризна», кстати, написанную на русском, с ее трепетными строками: «Душе с прекрасным назначеньем...», Шевченко посвящает княгине В. Репниной, с которой тепло и нежно дружил. Этот перечень можно продолжать, но не менее интересно задаться вопросом: а кем был Шевченко для прогрессивной русской общественности?

Без преувеличения можно сказать, что он пользовался огромным уважением передовых людей России, он был популярен и в студенческой среде Санкт-Петербурга. Красноречивым проявлением этих чувств к украинскому гению стали траурные события, связанные со смертью и похоронами поэта. Чтобы попрощаться с ним, к гробу с его телом пришёл едва ли не весь мыслящий цвет русской интеллигенции. Одно перечисление имён перехватывает дух — Достоевский, братья Жемчужниковы («Кузьма Прутков»), братья Курочкины, Лесков, Некрасов, Панаев, Пыпин, Салтыков-Щедрин, братья Серно-Соловьевичи и много, много других

славных имён. Те, кто не смогли прийти на поклон к ушедшему поэту, как, например, семья Толстых, заказывали поминальные панихиды в церквах в память Великого поэта и человека.

Гроб с телом покойного петербургские студенты несли на руках до самого кладбища, где состоялась гражданская панихида, на которой выступали Костомаров, Кулиш, представители студенчества — польского, русского и т. д. Трогает сердце нашего современника запись в книге посетителей Каневского мемориала, где похоронен Т. Шевченко, петербургских студентов, прибывших на могилу по случаю девяностолетия со дня рождения Т. Шевченко: «С далёкого севера мы пришли на твою могилу, незабвенный поэт. На берегу родной твоей реки, у твоего креста мы читали твои думы, близкие и родные нашему сердцу. Привет тебе, великий певец Украины, борец за родину и правду. Благослови и нас на это дело» [Дзюба 2008: 686].

А выдающийся писатель и поэт И. Бунин — первый русский писатель, удостоенный Нобелевской премии в области литературы — посетив могилу Т. Шевченко в Каневе, отметил, что он бывал на могилах многих великих людей, но ни одна из них не произвела на него такого волнующего впечатления, как Тарасова могила [там же].

В этих знаках внимания известных и неизвестных россиян к Великому Сыну Украины поражает то, как высоко они ценили его миссию, с какой теплотой берегли память о нем. Особенно важно отметить эти чувства, когда знаешь, как не любил Шевченко самодержавную власть, подвергал критике устои царизма, противопоставив этому любовь к свободе, к своей родной земле — Украине, которую всегда воспевал. Возможно, это один из тех заветов, которые он оставил нам — русским и украинцам — как можно искренно любить добро и не ненавидеть зло. Об этом нам следует помнить всегда и никогда не предаваться лукавству, о чем говорил Т. Шевченко: «Ми не лукавили з тобою, // Ми просто йшли; у нас нема // Зерна неправди за собою...». [Шевченко 2011к: 562].

Геополітика... 2011. Геополітика. — *Політична енциклопедія*. — Редкол.: Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал (заст. голови) та ін. — К.: Парламентське видавництво. — С. 136.

Грабович Г. 1991. *Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета*. — Перекл. з англ. Соломії Павличко. — К.: «Рад. письменник». — 212 с.;

Демократія... 2011. Демократія. — *Політична енциклопедія*. — Редкол.: Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал (заст. голови) та ін. — К.: Парламентське видавництво. — С. 194.

Дзюба І. 2008. *Тарас Шевченко*. — К., Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008.

Забужко О. 2001. *Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу*. — К.

Мейзерська Т. 1993. Шевченко між міфом та історією. — *XXX наукова Шевченківська конференція. 27-30 квітня 1993 р. — Тези і матеріали*. — Донецьк. — С. 15–17;

Прийма Ф. 1958. Шевченко и русские славянофилы. — *Русская лит.* — № 3. — С. 151–156;

Шагинян М. 1961. Тарас Шевченко и славянский вопрос. — *Дружба народов*. — № 5. — С. 215–228;

Шевченко Т. 2011а. І мертвим, і живим... — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта». — С. 302.

Шевченко Т. 2011б. За що ми любимо Богдана? — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 320.

Шевченко Т. 2011с. Якби-то ти, Богдане п'яний. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 604.

Шевченко Т. 2011d. Як умру, то поховайте («Заповіт»). — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 319.

Шевченко Т. 2011e. Передмова. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 136.

Шевченко Т. 2011f. Полякам. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 376–377.

Шевченко Т. 2011g. Єретик. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 234–235.

Шевченко Т. 2011j. Сон. Комедія. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 214.

Шевченко Т. 2011k. Доля. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 562.